На правах рукописи

Дроздов Илья Сергеевич

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ВОПРОСЫ ОБОСНОВАННОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОПТИМИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Москва – 2026

Работа выполнена на кафедре уголовного права федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Научный руководитель	**Кочои Самвел Мамадович** доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
Официальные оппоненты:	**Агапов Павел Валерьевич** доктор юридических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет права, профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики
	Хлебушкин Артём Геннадьевич доктор юридических наук, доцент, ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», профессор кафедры уголовного права
Ведущая организация	**ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»**

Защита состоится «04» февраля 2027 года в 12:00 на заседании диссертационного совета 24.2.336.03, созданного на базе ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва, 123242, ул. Садовая-Кудринская, д. 7, стр. 22, зал диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» http://msal.ru.

Автореферат разослан «_____»_____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор юридических наук, профессор А.Н. Першин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования усматривается в том, что экстремизм выступает динамичным и крайне опасным явлением, угрожающим стабильности, безопасности и территориальной целостности государства. В Российской Федерации в настоящий момент наблюдается сложная политико-экономическая обстановка, обусловленная, в том числе, проведением специальной военной операции. Сопровождающий эти процессы рост социальной и политической напряженности создает благоприятную среду для активного распространения экстремистской идеологии как инструмента дестабилизации многонационального и многоконфессионального общества. Названные вызовы объективно обусловливают динамичное развитие уголовного законодательства и вызывают потребность в своевременной трансформации механизмов уголовно-правового регулирования. В свою очередь, интенсивное обновление норм требует не только комплексной оценки степени общественной опасности новых форм противоправных деяний, но и глубокого анализа юридико-технического качества, сбалансированности и внутренней непротиворечивости конструкций уголовно-правовых запретов.

Определяя приоритеты деятельности отечественных спецслужб, Президент Российской Федерации В.В. Путин охарактеризовал экстремизм как «одну из линий атак на Россию», указав на попытки провоцирования конфликтов между представителями различных национальностей и вероисповеданий, и подчеркнул необходимость жесткого пресечения любых попыток разобщить общество[1]. Тем самым была поставлена задача по сосредоточению усилий правоохранительных органов на противодействии нарастающим информационным угрозам экстремистского характера.

[1] «Одна из линий атак на Россию». На коллегии ФСБ Путин призвал пресекать попытки разобщить российское общество // Российская газета. 2025. 27 февраля. URL: https://rg.ru/2025/02/27/vstrechnyj=nastroj.html (дата обращения: 28.02.2025).

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России, рост количества зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в 2025 г. увеличился практически в три раза по сравнению с показателями 2020 г. (2241 против 833). Количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности за первое полугодие 2026 г. также показывает рост по сравнению с показателями предыдущего года (+39,1%)[2]. Данное обстоятельство позволяет предположить, что количество совершаемых преступлений экстремистской направленности будет только расти.

Пространственно-территориальная характеристика преступности экстремистской направленности свидетельствует о наличии выраженной региональной спецификации данных посягательств, формирующей риски возникновения локальных и межрегиональных конфликтов.

В частности, для субъектов Северо-Кавказского федерального округа, отличающихся выраженным этническим и конфессиональным многообразием, ключевую угрозу продолжают представлять проявления религиозно-политического и этнонационального экстремизма[3]. В свою очередь, для крупных урбанизированных центров и мегаполисов (включая такие города, как Москва и Санкт-Петербург) характерна иная криминологическая специфика: здесь деструктивная активность преимущественно выражается в деятельности радикально настроенных молодежных объединений право- и леворадикальной ориентации, посягающих на общественный порядок и систему государственного управления.

Профильный Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон «О противодействии экстремистской деятельности») продолжает активно модернизироваться, что свидетельствует о непрерывном поиске законодателем

---

[2] Статистические данные состояния преступности: официальный сайт МВД России. URL: http://мвд.рф/reports/item/1609734/ (дата обращения: 21.07.2026).

[3] На Северном Кавказе задержали 15 религиозных экстремистов // Информационный портал РБК. 2024. 23 сентября. URL: https://www.rbc.ru/politics/23/09/2024/66f1145d9a7947b723c407cb (дата обращения: 15.02.2026).

оптимальных моделей противодействия проявлениям экстремизма. Динамичный характер законодательного регулирования и усложнение форм экстремистской активности обусловливают потребность в систематическом научном мониторинге и комплексной юридической оценке вносимых изменений.

Актуальной научной проблемой остается преодоление неопределенности границ круга деяний, охватываемых понятием «преступления экстремистской направленности». Формирование эффективного механизма противодействия рассматриваемой категории посягательств затруднено до тех пор, пока не будет четко верифицировано содержание самой правовой категории. Также существенной проблемой является юридико-техническое несовершенство диспозиций ряда статей УК РФ, выражающееся в размытости границ правового регулирования, а также в сложностях их отграничения с конкурирующими по составу преступлениями и смежными административными правонарушениями.

Отсутствие разъяснений высшей судебной инстанции по ряду принципиальных вопросов влечет за собой сохранение правовой неопределенности и отсутствие единообразия правоприменения. В связи с этим возникает необходимость формирования новых доктринальных и практических подходов, поскольку верная квалификация преступлений экстремистской направленности имеет ключевое значение и позволяет решить ряд существенных задач:

– отграничить уголовно наказуемые деяния от иных правонарушений;

– разграничить конкурирующие составы преступлений;

– обеспечить назначение виновному законного и справедливого наказания.

Согласно Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 1124[4] (далее – Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации), совершенствование законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики по-прежнему является одной из основных задач государственной политики в сфере противодействия экстремизму, а научные

[4] Указ Президента России от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

исследования в сфере противодействия экстремизму являются инструментом ее реализации.

Таким образом, совершенствование законодательных формулировок, актуализация действующих норм УК РФ исходя из основных направлений государственной политики в сфере противодействия проявлениям экстремизма, обозначенных в Законе «О противодействии экстремистской деятельности» и Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, а равно повышение эффективности правоприменительной практики образуют актуальную проблематику, требующую самостоятельного доктринального исследования.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Вопросы уголовно-правового противодействия экстремизму, а также особенности уголовно-правовой оценки преступлений экстремистской направленности изучались в работах П.В. Агапова, С.В. Борисова, В.А. Бурковской, Ф.З. Велиева, В.Н. Воронина, А.И. Долговой, А.Э. Жалинского, А.В. Жеребченко, О.А. Зубаловой, Т.А. Корнилова, А.И. Коробеева, Р.О. Кочергина, В.С. Комиссарова, С.М. Кочои, А.А. Кунашева, Д.И. Леньшина, В.В. Лунеева, И.С. Макеевой, А.А. Можеговой, А.В. Наумова, А.В. Петрянина, Э.Ф. Побегайло, Ю.Е. Пудовочкина, А.И. Рарога, В.В. Ревина, А.В. Ростокинского, Д.Н. Саркисова, Е.П. Сергуна, А.Т. Сиоридзе, А.С. Скудина, Н.В. Степанова, Р.С. Тамаева, Р.М. Узденова, С.Н. Фридинского, А.Г. Хлебушкина, С.А. Юдичевой и других.

Высоко оценивая вклад этих ученых в развитие уголовно-правовой науки, необходимо учесть, что многие их выводы строились на устаревшем законодательстве и на той стадии судебной практики, которая тогда ему соответствовала. Сейчас общественные отношения меняются очень быстро, антиэкстремистское законодательство постоянно обновляется, а сами формы преступных посягательств становятся все сложнее и разнообразнее. Из-за этого перед уголовно-правовой наукой возникают новые вопросы, и данные вопросы подлежат новому осмыслению.

Цель настоящего исследования состоит в обосновании социальной обусловленности установления уголовной ответственности за совершение деяний

экстремистской направленности и разработке основных направлений оптимизации уголовного законодательства в этой области.

Для достижения указанной цели были поставлены и решены следующие **задачи**:

1) рассмотреть научные подходы к распределению преступлений экстремистской направленности по группам и предложить собственный вариант их классификации;

2) выяснить, насколько оправдано с точки зрения социальных потребностей установление уголовной ответственности за деяния экстремистской направленности в Российской Федерации, опираясь на разработанные в науке уголовного права критерии криминализации;

3) определить главные факторы, из-за которых преступления экстремистской направленности особенно опасны для общества;

4) изучить зарубежный опыт уголовно-правового регулирования ответственности за такие деяния и определить возможность его заимствования в российском уголовном праве;

5) подготовить обоснованные с научной точки зрения предложения по улучшению законодательных конструкций и формулировок норм УК РФ, которые предусматривают ответственность за преступления экстремистской направленности.

Объектом диссертационного исследования выступает совокупность общественных отношений, возникающих в связи с совершением преступлений экстремистской направленности, законодательным установлением и реализацией уголовной ответственности за данные посягательства.

Предметом исследования являются нормы Конституции Российской Федерации, международные нормативные правовые акты, российское и зарубежное уголовное законодательство, российское законодательство об административных правонарушениях, акты судебного толкования, материалы судебно-следственной практики, а также научные работы по исследуемой теме.

Акцент в исследовании сделан на отдельных составах преступлений, изложенных в статьях гл. 29 УК РФ, таких как ст. 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»), ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»), ст. 282^1 УК РФ («Организация экстремистского сообщества») и ст. 282^2 УК РФ («Организация деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации»). То, что в качестве основных в рамках исследования были выбраны именно эти статьи, объясняется их ключевым положением в системе отечественного антиэкстремистского законодательства. Они составляют нормативную основу уголовно-правового механизма противодействия преступлениям экстремистской направленности и задают основные ориентиры государственной политики по защите основ конституционного строя и безопасности государства.

Так, запреты, содержащиеся в статьях 280 и 282 УК РФ, отражают важнейшие международно-правовые стандарты, касающиеся криминализации экстремистских проявлений. Поэтому они особенно значимы для сравнительно-правового анализа. При этом ст. 282 УК РФ остается одной из самых дискуссионных в доктрине. Это связано с ее частыми видоизменениями, а также с неоднозначностью практики ее применения.

Нормы статей 282^1 и 282^2 УК РФ устанавливают ответственность за наиболее опасные формы экстремистской деятельности – организованные. Таким образом, они позволяют пресекать коллективные и сетевые проявления экстремистской активности уже на ранних стадиях.

Помимо этого, выбор этих составов преступлений объясняется их высокой значимостью для науки. Статьи 280, 282, 282^1 и 282^2 УК РФ широко обсуждаются в российской уголовно-правовой литературе, посвященной противодействию преступлениям экстремистской направленности, и именно в отношении них ведется наибольшее количество теоретических и прикладных исследований. То, что отдельные аспекты этих норм уже достаточно хорошо изучены, но их толкование

по-прежнему вызывает споры, подтверждает, что выбор именно их в качестве основного предмета исследования является наиболее актуальным.

Методология и методы исследования. В работе опора сделана на всеобщий диалектический метод познания социально-правовых явлений и процессов, иные общенаучные методы научного познания, такие как анализ и синтез, системно-структурный метод. Помимо этого, использовались специально-юридические и специально-социологические методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический, опрос и другие.

Историко-правовой подход позволил проследить, как складывалось и трансформировалось российское уголовное законодательство, предусматривающее ответственность за преступления экстремистской направленности.

Сравнительно-правовой метод был необходим, чтобы сопоставить отечественные способы противодействия преступлениям экстремистской направленности с тем, как проявлениям экстремизма противостоят в некоторых зарубежных государствах.

Системно-структурный метод применялся при изучении антиэкстремистского законодательства как целостной и взаимосвязанной системы уголовно-правовых запретов, а также при разработке авторской классификации преступлений экстремистской направленности.

Формально-юридический и лингвистический методы использовались для разбора правовых конструкций составов преступлений, закрепленных в статьях 280, 282, 282^1 и 282^2 УК РФ, а также актов их официального судебного толкования.

Социологические методы были задействованы при исследовании криминологического портрета лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, отношения общества к таким деяниям, а также при проведении собственного анкетирования, чтобы понять, как профессиональное сообщество оценивает государственную правовую политику в этой сфере.

Теоретическую базу, ввиду комплексного характера темы исследования, составили труды отечественных ученых в области общей теории права, уголовного и административного права, а также криминологии и социологии.

Нормативная база исследования представлена Конституцией Российской Федерации, международными правовыми актами, действующим отечественным уголовным и административным законодательством и их историческими аналогами, иными нормативными правовыми актами, в частности, Законом «О противодействии экстремистской деятельности», указами Президента Российской Федерации, уголовным законодательством отдельных зарубежных государств.

Эмпирическую базу исследования образуют изученные автором материалы 120 уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности (приговоры и иные судебные акты, вынесенные преимущественно в 2017–2026 гг.); статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2020–2025 гг. и ГИАЦ МВД России за 2020–2026 гг.; материалы периодических изданий и сети «Интернет»; результаты социологических опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и результаты проведенного автором в 2025 г. анкетирования преподавателей юридических вузов, представителей правоохранительных органов и практикующих адвокатов.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что ее результаты заметно расширяют теоретические знания в части понимания того, как социально обусловлена криминализация деяний экстремистской направленности. Обоснована идея кумулятивной общественной опасности таких деяний, что усиливает теоретико-методологическую основу социальной обусловленности уголовно-правового запрета экстремистской активности. Предложена теоретически обоснованная система преступлений экстремистской направленности. Сформулированные автором положения и выводы укрепляют научную базу для дальнейшего изучения проблем противодействия экстремизму и совершенствования уголовно-правовой политики Российской Федерации.

Практическая значимость исследования состоит в том, что в нем сформулированы конкретные научно обоснованные предложения по оптимизации законодательных конструкций статей 280, 282, 282^1 и 282^2 УК РФ. Сформулированные соискателем рекомендации по квалификации преступлений экстремистской направленности и устранению правоприменительных коллизий

могут быть непосредственно использованы в практической деятельности судебных и правоохранительных органов, а также в рамках подготовки актов официального судебного толкования. Кроме того, материалы диссертационного исследования могут быть внедрены в учебный процесс в высших юридических учебных заведениях при преподавании дисциплин уголовно-правового профиля.

Научная новизна исследования состоит в том, что на основе всестороннего анализа социальной обусловленности криминализации деяний экстремистской направленности показано, что ряд уголовно-правовых запретов уже не соответствует современным проявлениям экстремистской активности. Это позволило иначе посмотреть на привычные пределы уголовно-правовой репрессии данных деяний. Раскрыто содержание социальной обусловленности криминализации деяний экстремистской направленности, которое определяет их специфику и задает основные нормативные и криминологические ориентиры уголовно-правовой охраны общественных отношений. Выявлена четкая совокупность факторов, определяющих общественную опасность преступлений экстремистской направленности. Предложена авторская система таких преступлений, построенная на критериях, отражающих способы и степень проявления экстремистских признаков в структуре уголовно-правовых норм.

Основные положения, выносимые на защиту, достаточно полно представлены в рукописи работы и в научных статьях, опубликованных соискателем. К ним относятся следующие определения, выводы и предложения:

1. Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за совершение деяний экстремистской направленности должна определяться не только общими критериями криминализации (степень общественной опасности деяний, их распространенность и др.), но и актуальными социально-демографическими и технологическими факторами, включая высокую степень уязвимости несовершеннолетних к деструктивному идеологическому воздействию. Так, в условиях развития цифровой среды, применения скрытых методов вовлечения и стадийной сетевой вербовки, объективная потребность противодействия экстремистской активности требует осуществления уголовно-

правового реагирования, направленного на минимизацию рисков вовлечения несовершеннолетних в экстремистские структуры.

2. Разработана система преступлений экстремистской направленности, в основу которой положена дифференциация посягательств по четырем критериям:

– *преступления, представляющие собой объективное выражение экстремистских намерений вовне* (статьи 280, 282, 282^1, 282^2, 282^3, 282^4 УК РФ);

– *преступления, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие нормальные межнациональные, межэтнические, межконфессиональные связи в обществе, суверенитет, функционирование конституционного строя, единство и территориальную целостность Российской Федерации* (статьи 136, 148, 212, 239, 277, 278, 279, 280^1, 280^2, 280^4, 354^1, 357 УК РФ);

– *преступления, составы которых имеют мотивы ненависти или вражды в качестве конструктивного либо квалифицирующего признака* (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, п. «а» ч. 2 ст. 119, ч. 2 ст. 167, п. «д» ч. 2 ст. 207^3, п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ);

– *преступления, совершаемые по экстремистским мотивам, не включенным законодателем в конструкцию конкретного состава преступления*.

3. Общественная опасность преступлений экстремистской направленности, обуславливающая установление уголовной ответственности за их совершение, определяется несколькими системными факторами:

1) *широкое информационное воздействие* – такие действия рассчитаны на охват неограниченного круга лиц, а публичные каналы связи дают возможность быстро распространять экстремистские материалы, моментально их размножать и оказывать глубокое деструктивное воздействие на общественное сознание;

2) *высокая степень организованности* – обычно экстремистская активность ведется группами или сетевыми объединениями, где есть прочные связи между участниками, разделение функций и общий центр управления;

3) *связь с насилием* – для экстремистской среды типично не просто использование насилия, но и его постоянное оправдание, продвижение и

подталкивание к жестким способам борьбы, что превращает такие действия в прямую угрозу жизни, здоровью и физической неприкосновенности людей;

4) *социально-субъектная направленность* – целенаправленная ориентация экстремистских структур на вовлечение в деструктивную деятельность несовершеннолетних.

4. Признание социальной группы охраняемой уголовным законом группой должно быть обусловлено установлением следующих юридически значимых обстоятельств:

– существование устойчивой общественной группы как реального множества лиц, объединенных объективно существующим социально значимым признаком (профессиональным, имущественным, должностным, образовательным и т.д.);

– наличие у данной группы признака уязвимости, под которой понимается повышенная вероятность подвергаться проявлениям ненависти или вражды, а также систематическому унижению достоинства по признаку своей групповой принадлежности.

5. Разработаны рекомендательные положения, определяющие дифференцированный подход к квалификации действий руководителей, организаторов (создателей) и рядовых участников (членов) экстремистских сообществ и экстремистских организаций по сбору финансовых средств и организации материально-технического обеспечения для данных преступных формирований:

1) для руководителей и организаторов (создателей) экстремистских структур: *приискание финансовых средств и организация материально-технического обеспечения для экстремистского сообщества либо экстремистской организации выступают непосредственной формой реализации организационно-распорядительных функций их руководителя либо организатора (создателя). При этом диспозиции и санкции ч. 1 ст. 282[1] и ч. 1 ст. 282[2] УК РФ полностью охватывают материально-обеспечительный аспект указанной деятельности. В связи с этим для данных лиц не требуется дополнительная квалификация содеянного по ст. 282[3] УК РФ*;

2) для рядовых участников (членов) экстремистских структур: *действия по сбору финансовых средств или организации материального обеспечения для экстремистского сообщества либо экстремистской организации выходят за рамки ординарной деятельности их участника (ч. 2 ст. 282[1] и ч. 2 ст. 282[2] УК РФ), формируя самостоятельный вектор общественной опасности преступной деятельности, и подлежат квалификации по совокупности преступлений со ст. 282[3] УК РФ.*

6. Отдельные положения уголовного законодательства в части противодействия преступлениям экстремистской направленности содержат недостатки, основные из которых заключаются в следующем:

– установление в ст. 280 УК РФ ответственности за публичные призывы к совершению не только преступлений экстремистской направленности, но и иной (в том числе административно наказуемой) деятельности, не являющейся преступной, что нарушает критерий достаточной степени общественной опасности криминализируемого деяния и создает межотраслевую коллизию;

– нормативная избыточность конструирования ч. 2 ст. 280 УК РФ, выраженная в наличии в качестве квалифицирующего признака использования сети «Интернет» и иных информационно-телекоммуникационных сетей, что в условиях тотальной цифровизации общества приводит к нивелированию его дифференцирующего значения ввиду отсутствия качественного возрастания степени общественной опасности деяния;

– нормативная избыточность использования в конструкции ч. 1 ст. 282 УК РФ административной преюдиции и специальной судимости (по статьям 280, 282, 282[4] УК РФ) в качестве оснований привлечения лица к уголовной ответственности, приводящая к криминализации деяний исключительно по формально-количественному критерию повторности при отсутствии качественного возрастания их общественной опасности;

– неполнота законодательной дифференциации ответственности в статьях 282[1] и 282[2] УК РФ, заключающаяся в отсутствии квалифицирующего признака, отражающего повышенную степень общественной опасности действий по

вовлечению несовершеннолетних в деятельность экстремистских сообществ и организаций.

7. К числу наиболее эффективных направлений развития уголовного законодательства зарубежных государств в сфере противодействия преступлениям на почве ненависти относятся:

– законодательная регламентация исчерпывающего перечня способов совершения публичных призывов к дискриминации, вражде или насилию, а также формализация четких объективных критериев публичного характера противоправных призывов (Франция, Канада, Индия);

– дифференциация уголовной ответственности с учетом повышенной общественной опасности вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность (Федеративная Республика Германия, Республика Азербайджан);

– установление специальных квалифицирующих признаков, отражающих повышенную опасность совершения преступлений экстремистской направленности в местах культового назначения и проведения религиозных обрядов (Индия).

8. В отношении ст. 280 УК РФ предлагается ограничить сферу действия статьи исключительно призывами к совершению преступлений экстремистской направленности; нормативно закрепить исчерпывающий перечень способов совершения преступления; исключить из числа квалифицирующих признаков использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»; дополнить следующими квалифицирующими признаками: использование своего служебного положения; совершение преступления в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний; совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

9. В отношении ст. 282 УК РФ предлагается исключить такие основания привлечения лица к ответственности как наличие у него административного наказания за совершение аналогичного деяния либо судимости за совершение преступления, предусмотренного статьями 280, 282, 282^4 УК РФ; дополнить

следующими квалифицирующими признаками: использование средств массовой информации; совершение преступления в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний.

10. Предлагается ввести в статьи 282^1 и 282^2 УК РФ квалифицированный состав преступления, предусматривающий ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в деятельность экстремистского сообщества (экстремистской организации); исключить руководителей и организаторов (создателей) экстремистского сообщества (экстремистской организации) из числа субъектов, подлежащих освобождению от уголовной ответственности в соответствием с примечаниями к статьям 282^1 и 282^2 УК РФ.

Степень достоверности результатов исследования. Степень достоверности результатов диссертационного исследования подтверждается научной методологией и методами исследования, использованными эмпирическими материалами и статистическими данными.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования апробированы на двух всероссийских научно-практических конференциях (III Всероссийская научно-практическая конференция «Правосудие современности» – г. Екатеринбург, 29 марта 2024 г.; IV Всероссийская научно-практическая конференция «Правосудие современности» – г. Екатеринбург, 02 апреля 2025 г.).

Основные положения, концептуальные выводы и рекомендации диссертационного исследования отражены в пяти научных статьях в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук, из перечня, рекомендованного ВАК.

Представленные в диссертации научно-прикладные подходы также прошли апробацию в ходе осуществления соискателем адвокатской деятельности при оказании квалифицированной юридической помощи.

Структура диссертационного исследования определяется его целью и задачами, и состоит из введения, двух глав, включающих семь параграфов, заключения, списка использованных источников и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность и степень научной разработанности темы исследования, раскрываются цель, задачи, объект и предмет исследования (в том числе аргументируется выбор статей 280, 282, 282^1 и 282^2 УК РФ в качестве ключевого предмета научного анализа), методология и методы исследования, характеризуются нормативно-правовая, теоретическая и эмпирическая базы исследования, излагаются теоретическая и практическая значимость исследования, научная новизна работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся сведения о степени достоверности результатов исследования, апробации полученных результатов и структуре диссертации.

Первая глава диссертации **«Социальная обусловленность криминализации деяний экстремистской направленности в законодательстве Российской Федерации и отдельных зарубежных государств»** состоит из трех параграфов.

В *параграфе 1.1. «Система преступлений экстремистской направленности»* соискатель раскрывает соотношение понятий «экстремизм», «экстремистская идеология», «экстремистская деятельность» и «преступления экстремистской направленности», а также предлагает систему преступлений экстремистской направленности на основе определяющих критериев.

На основе доктринальных подходов и нормативных определений показано, что понятие «экстремизм» носит двойственный характер: с одной стороны, он выступает деструктивной идеологией (совокупностью взглядов и идей), а с другой – практикой ее реализации (экстремистской деятельностью).

При этом преступления экстремистской направленности являются одной из ключевых и наиболее опасных составляющих экстремистской деятельности, образуя подвижную правовую конструкцию. Соискатель доказывает, что данная категория формируется не только через субъективный признак (наличие мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти

либо вражды), но и через объективные характеристики деяний. В частности, составы преступлений, содержащиеся в статьях 280 и 282 УК РФ, безусловно содержат экстремистский характер в их внешнем выражении.

Обоснована критическая позиция в отношении закрепленного в Законе «О противодействии экстремистской деятельности» подхода, относящего террористическую деятельность к разновидности экстремистской. Соискатель доказывает, что, несмотря на очевидную генетическую связь, данные феномены обладают самостоятельной правовой природой, что предопределяет необходимость их строгой дифференциации. В работе приводятся убедительные аргументы в пользу обособленного статуса преступлений экстремистской направленности и преступлений террористического характера, обусловленного не только своеобразием охраняемых благ, но и принципиальными различиями в механизме, масштабах и векторе их деструктивного воздействия на общественные отношения, что требует устранения межзаконодательного конфликта путем приведения Закона «О противодействии экстремистской деятельности» в соответствие с антитеррористическим законодательством.

В *параграфе 1.2. «Социальная обусловленность и критерии криминализации деяний экстремистской направленности в Российской Федерации»* осуществлен комплексный анализ социально-правовых предпосылок и оснований уголовно-правового запрета деяний экстремистской направленности. Соискатель раскрывает содержание социальной обусловленности криминализации соответствующих посягательств, определяет ключевые критерии их криминализации, а также обозначает основные системные и технико-юридические проблемы конструкции профильных норм УК РФ (статей 280, 282, 282^1, 282^2 УК РФ).

В исследовании подчеркивается, что установление уголовно-правовых запретов должно быть продиктовано устойчивой социальной потребностью в охране соответствующих общественных отношений именно уголовно-правовыми средствами – когда иные меры правового воздействия являются неэффективными.

Доказано, что высокая степень общественной опасности преступлений экстремистской направленности обусловлена комплексом специфических факторов, выделяющих данную категорию преступлений.

Во-первых, это свойство публичности, свидетельствующее о нацеленности субъектов на оказание массового информационно-психологического воздействия на аудиторию, что способно существенно дестабилизировать социально-политическую обстановку в государстве, а также привести к эскалации межгрупповой напряженности, нарушить общественное спокойствие и спровоцировать угрозы национальной безопасности.

Во-вторых, общественная опасность преступлений экстремистской направленности обусловлена доминированием групповых и структурированных форм криминальной активности, характеризующихся высоким уровнем организованности и тщательным планированием преступной деятельности, а также вектором направленности на совершение тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан.

Помимо этого, деструктивный потенциал преступлений экстремистской направленности кратно увеличивают их сопряженность с насильственными проявлениями (включая их публичное оправдание и популяризацию), а также системное рекрутирование в преступную среду молодежи как одной из наиболее уязвимых социальных групп.

В исследовании обосновано, что система уголовно-правовых запретов в рассматриваемой сфере базируется на концепции «двойной превенции», означающей, что криминализация деяний экстремистской направленности обусловлена их ролью катализатора совершения более тяжких преступлений, в том числе террористического характера. В связи с этим пресечение противоправной деятельности на ранних стадиях выступает эффективным стратегическим инструментом предупреждения масштабных угроз общественной безопасности.

В завершение параграфа сделан вывод о недостаточной сбалансированности действующей модели уголовно-правового противодействия проявлениям экстремизма. Ключевыми дефектами законодательных конструкций признаются

наличие пробелов в правовом регулировании отдельных преступных деяний, связанное с отсутствием необходимых квалифицирующих признаков, а также избыточное использование законодателем абстрактных и оценочных категорий, что затрудняет единообразное установление признаков объективной стороны преступлений и создает риски расширительного толкования уголовного закона.

В *параграфе 1.3. «Опыт криминализации деяний экстремистской направленности в законодательстве отдельных зарубежных государств»* представлен компаративистский анализ социальной обусловленности и нормативно-правовой основы антиэкстремистского законодательства Франции Федеративной Республики Германия (ФРГ), Республики Беларусь, Азербайджанской Республики, Канады и Индии. Соискателем исследованы специфические социокультурные, исторические и геополитические предпосылки установления уголовно-правовых запретов в указанных государствах, выявлен ряд их эффективных законодательных решений, а также обоснована возможность их адаптации в уголовном законодательстве Российской Федерации в целях совершенствования механизма противодействия угрозам экстремистской направленности.

Так, криминализация проявлений экстремистской направленности во Франции определяется исторически сложившейся приверженностью французского общества ценностям республиканского равенства, толерантности и защиты человеческого достоинства от различных форм проявления ненависти. Это обстоятельство обуславливает достаточно широкий перечень законодательно закрепленных признаков защищаемых групп в ст. 24 Закона от 29 июля 1881 г. «О свободе прессы», а также установление Декретом № 2017-1230 от 3 августа 2017 г. уголовной ответственности за непубличные формы клеветы и оскорбления, совершенные по дискриминационным мотивам.

Противодействие проявлениям экстремистской активности в ФРГ на уровне уголовного законодательства строго ориентировано на защиту демократического строя с учетом исторической ответственности Германии за преступления нацизма. В частности, ст. 130 УК ФРГ устанавливает самостоятельную ответственность за

публичное одобрение, отрицание или грубое преуменьшение преступлений против человечности, совершенных в период национал-социализма, а также публичное одобрение, прославление или оправдание тирании и произвола национал-социалистического режима.

Уголовно-правовой запрет деяний экстремистской направленности в Республике Беларусь обусловлен двумя ключевыми факторами: общим постсоветским правовым наследием и острой потребностью государства в обеспечении внутренней стабильности, межнационального и межконфессионального согласия. Белорусский подход к противодействию исследуемым угрозам в целом схож с отечественным, однако обладает уникальной спецификой. Среди его отличительных черт выделяется криминализация в рамках ст. 361^5 УК РБ прохождения обучения или иной подготовки, заведомо направленных на последующее участие лица в экстремистской деятельности.

В Азербайджанской Республике уголовно-правовая политика в данной сфере продиктована геополитическим положением страны, историческим опытом межэтнических конфликтов и необходимостью защиты светских устоев государства от религиозного радикализма. Азербайджанская Республика на современном этапе сталкивается со множеством вызовов: распространение среди населения идей салафизма и ваххабизма, участие граждан в зарубежных вооруженных конфликтах, а также попытки создания на территории государства подпольных религиозных структур. Специфичным направлением здесь выступает борьба с религиозным фанатизмом, выражающаяся, в частности, в установлении в ст. 167^1 УК АР ответственности за принуждение к исповедованию какой-либо религии (религиозного течения), а также к членству в религиозных организациях.

Антиэкстремистское уголовное законодательство Канады характеризуется уникальным сочетанием двух фундаментальных ценностей: мультикультурализма как основы национальной идентичности и неприкосновенности свободы слова как ключевого конституционного принципа. Особенностью канадской модели выступает нормативное закрепление оснований, исключающих преступность деяния при высказывании суждений, способных привести к разжиганию ненависти

в обществе, при наличии следующих обстоятельств: если соответствующие заявления объективно правдивы; если они отражают добросовестно выражаемое религиозное мнение; касаются общественно значимого вопроса либо направлены на привлечение внимания к факторам розни с целью их последующего устранения.

Развитие уголовного законодательства Индии подчинено перманентной необходимости поддержания стабильности межгрупповых отношений в условиях сверхвысокой социальной дифференциации. Наличие множества пересекающихся идентичностей (религиозных, кастовых, субэтнических и др.) в рамках единого государственно-правового пространства обусловливает не только пресекательную, но и ярко выраженную превентивную направленность антиэкстремистских норм. Индийское законодательство противостоит кастовой дискриминации, обеспечивая принцип социального равенства и пресекая процессы сегрегации в обществе. Уголовно-правовой запрет на публичное отрицание равноправия и достоинства определенных социальных групп (прежде всего каст и племен) выступает гарантией против их маргинализации и выполняет упреждающую функцию по недопущению концепций кастового превосходства.

К положительному опыту зарубежного законодательства, подлежащему учету в российской правовой системе, соискатель относит такие законодательные решения, как закрепление исчерпывающего перечня способов совершения призывов к дискриминации, ненависти или насилию, а также установление объективных критериев публичности преступного деяния. Кроме того, автором поддерживается учет зарубежным законодателем повышенной общественной опасности вовлечения в экстремистскую деятельность несовершеннолетних, а также совершения преступлений экстремистской направленности в местах отправления религиозного культа.

Вторая глава диссертации **«Основные направления оптимизации законодательства о преступлениях экстремистской направленности»** содержит четыре параграфа.

Параграф 2.1. «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ)» посвящен комплексному уголовно-правовому анализу ст. 280 УК РФ.

В рамках проведенного исследования соискатель выделяет две основные формы реализации публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности: непосредственное обращение к аудитории и создание условий для свободного доступа к информации неограниченному кругу лиц.

В ходе исследования обосновано понимание категории «публичность» применительно к массовой рассылке материалов экстремистского содержания. Доказано, что указанные действия образуют публичный способ совершения посягательства вне зависимости от адресно-персонального формата отправки каждого сообщения. Ключевым содержательным критерием публичности в данном контексте выступает не фактор одновременности восприятия информации множеством лиц, а потенциальная доступность информации неопределенному кругу лиц с утратой контроля первоначального адресата над ее последующим бесконтрольным тиражированием. При веерной рассылке каждый отдельный получатель перестает быть конечным адресатом и превращается в потенциальный канал дальнейшей трансляции информации.

Сформулирована и обоснована правовая позиция по квалификации публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, совершаемых в цифровой среде с использованием различных мультимедийных форматов (аудио-, видеоматериалов и др.) и интернет-ресурсов. Доказано, что задействование субъектом различных социальных сетей, мессенджеров и иных цифровых платформ, а равно сочетание текстовых, аудио- и видеоматериалов, несмотря на их технические различия, свидетельствуют о тождественности способов совершения преступления. Аргументировано, что при наличии единого умысла, общей целевой направленности таких действий, их хронологической близости и единства объекта посягательства, содеянное подлежит квалификации как единое продолжаемое преступление, а не совокупность преступлений.

Соискатель доказывает необходимость изменения пределов уголовно-правового запрета, установленного ст. 280 УК РФ, путем сужения его содержания исключительно до призывов к совершению преступлений экстремистской направленности, что позволит исключить избыточную криминализацию деяний, не обладающих достаточной степенью общественной опасности.

Аргументирована целесообразность использования позитивного зарубежного опыта (в частности, подходов французского законодательства) в части детализации способов совершения преступлений экстремистской направленности.

На основе анализа правоприменительной практики соискатель констатирует, что значительное преобладание случаев применения квалифицированного состава (ч. 2 ст. 280 УК РФ) над базовым (ч. 1 ст. 280 УК РФ) является закономерным следствием интенсивного развития интернет-пространства как основного инструмента публичной коммуникации. Смещение вектора преступной активности в виртуальную среду привело к фактической ограниченности регулятивного потенциала ч. 1 ст. 280 УК РФ. В условиях, когда любое сетевое действие автоматически признается обладающим повышенной общественной опасностью, возникает предпосылки существенной диспропорции уголовной ответственности.

Развивая данный тезис, автор обосновывает, что публичные призывы с использованием сетевых ресурсов, с учетом того, что в большинстве случаев данные действия выражаются в размещении единичных комментариев и публикаций в источниках с небольшим охватом аудитории, в настоящее время не обладают большей общественной опасностью, чем призывы, высказанные на собраниях, митингах и демонстрациях.

Обосновано предложение о введении в конструкцию ст. 280 УК РФ квалифицирующего признака, предусматривающего повышенную ответственность за совершение преступления в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний. Аргументировано, что повышенная ответственность за совершение указанного преступления в таких местах сопряжено с демонстрацией крайнего пренебрежения к традиционным ценностям и религиозным чувствам, а также создает повышенные

риски успешной радикализации прихожан ввиду сниженного уровня их критического восприятия информации, преподносимой под видом религиозно мотивированных идей, что объективно обусловливает необходимость дифференциации и ужесточения уголовной ответственности.

На основе полученных результатов соискателем сформулированы следующие предложения по совершенствованию ст. 280 УК РФ:

1) ограничение сферы действия статьи исключительно призывами к совершению преступлений экстремистской направленности;

2) нормативное закрепление исчерпывающего перечня способов совершения публичных призывов;

3) исключение из ч. 2 ст. 280 УК РФ квалифицирующего признака «использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»;

4) дополнение ст. 280 УК РФ новыми квалифицирующими признаками, предусматривающими повышенную ответственность за совершение преступления с лицом использованием своего служебного положения; в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний; группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Способ технико-юридического воплощения данных предложений в рамках оптимизации уголовного законодательства представлен в Приложении № 2 к диссертации.

В качестве корреспондирующей меры, направленной на недопущение правового вакуума при сужении области регулирования ст. 280 УК РФ, предложено дополнить КоАП РФ новой статьей («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»), устанавливающей административную ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, не содержащие признаков уголовно наказуемого деяния.

Параграф 2.2. «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ)» посвящен системному уголовно-правовому анализу элементов состава указанного преступления.

В рамках исследования соискатель указывает на проблему чрезмерно широкого толкования правоприменительными органами категории «социальная группа», используемой в диспозиции ст. 282 УК РФ. Для преодоления данной правовой неопределенности автором сформулированы критерии отнесения общностей людей к социальным группам: обязательное наличие устоявшегося социально значимого признака, а также повышенная уязвимость данной общности перед проявлениями ненависти, вражды или унижения достоинства по данному признаку.

В параграфе доказано, что размещение экстремистских материалов лицом в местах, заведомо доступных для ознакомления широкому кругу лиц, образует оконченный состав преступления с момента обеспечения доступа для аудитории. Последующее устранение размещенной информации другими лицами, например, путем снятия листовки жильцами дома или удалением комментария модератором интернет-ресурса, не должно влиять на правовую квалификацию содеянного как оконченного посягательства.

На основе научного анализа соискателем аргументирована целесообразность полного отказа от конструкции административной преюдиции и учета наличия судимости по профильным статьям (280, 282, 282^4 УК РФ) в качестве конструктивных признаков состава ч. 1 ст. 282 УК РФ. В работе доказывается, что механизм повторности теряет свою оправданность, когда действия лица не сопряжены с насилием (его оправданием, пропагандой либо угрозой применения). При отсутствии качественного изменения масштаба ущерба для охраняемых благ критерий повторности совершения правонарушения не может выступать достаточным основанием установления уголовной ответственности. Оптимизация конструкции ч. 1 ст. 282 УК РФ позволит минимизировать риски правоприменительных злоупотреблений, снизить избыточную репрессивность

закона и перераспределить ресурсы государства на противодействие наиболее опасным деструктивным актам.

Данный тезис подтверждается статистическими сведениями, которые демонстрируют, что потенциал ст. 20.3.1 КоАП РФ вполне достаточен для предупреждения повторных правонарушений без обращения к инструментарию уголовно-правового воздействия.

Разработаны научные основания для оптимизации системы квалифицирующих признаков ст. 282 УК РФ. Установлено нормативное упущение ст. 282 УК РФ, заключающееся в отсутствии учета повышенной опасности совершения деяния с использованием средств массовой информации. Игнорирование специфики СМИ нивелирует их особый институциональный статус в механизме воздействия на общественное сознание, выражающийся в высоком кредите доверия аудитории и масштабности охвата, что влечет недостаточную дифференциацию ответственности за действия, обладающие объективно более высокой степенью общественной опасности по сравнению с публикациями от имени частных лиц.

С учетом анализа актуального законодательства соискателем сформулированы следующие предложения по оптимизации ст. 282 УК РФ:

1) исключение из ч. 1 ст. 282 УК РФ таких оснований привлечения лица к ответственности как наличие административного наказания за совершение аналогичного деяния либо наличие судимости за совершение преступления, предусмотренного статьями 280, 282, 282^4 УК РФ;

2) исключение из ч. 1 ст. 282 УК РФ признака «использование средств массовой информации» в целях его дифференциации и переноса в самостоятельный квалифицированный состав;

3) дополнение ст. 282 УК РФ новыми квалифицирующими признаками, предусматривающими повышенную ответственность за совершение преступления с использованием средств массовой информации; в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний.

Способ технико-юридического воплощения данных предложений в рамках оптимизации уголовного законодательства представлен в Приложении № 2 к диссертации.

В *параграфе 2.3. «Организация экстремистского сообщества (ст. 282[1] УК РФ)»* проводится уголовно-правовой анализ состава данного преступления.

В работе доказано, что экстремистское сообщество выступает самостоятельным видом преступного объединения, а не одной из форм преступного сообщества. Данный тезис аргументирован спецификой целей деятельности экстремистского сообщества и его уникальными структурно-функциональными характеристиками.

Соискатель констатирует, что объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282[1] УК РФ, заключается в консолидации участников экстремистского сообщества, установлении между ними устойчивых связей и обеспечении централизованного управления их деятельностью. Данная активность нормативно детерминирована специфической целью, закрепленной в диспозиции статьи – созданием автономной структуры для последующей подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности.

В параграфе поддерживается позиция, согласно которой руководство структурным подразделением экстремистского сообщества по своей правовой природе аналогично руководству всем объединением в целом. Различие заключается исключительно в масштабе: структурное подразделение представляет собой меньшую, относительно автономную ячейку, решающую локальные задачи в интересах достижения общей преступной цели.

Развивая теоретико-правовые основы квалификации преступлений, соискатель обосновывает, что действия руководителя экстремистского сообщества по разработке, изготовлению или публичному распространению экстремистских материалов, если они представляют собой непосредственный способ реализации управленческих функций в рамках единого преступного плана, являются конструктивным элементом руководства экстремистской структурой и полностью

поглощаются ч. 1 ст. 282[1] УК РФ без вменения совокупности с отдельными составами преступлений экстремистской направленности.

В диссертации аргументировано, что современный уровень развития цифровых технологий позволяет констатировать возможность создания и функционирования экстремистского сообщества исключительно в виртуальном пространстве (сети «Интернет»). Такая форма организованной преступной деятельности обусловлена спецификой цифровой среды, обеспечивающей дистанционное взаимодействие участников и минимизацию рисков их деанонимизации.

Автором обосновано, что участие в экстремистском сообществе проявляется в том числе путем реализации лицом вспомогательных функций, обеспечивающих существование и функционирование (жизнедеятельность) сообщества. Как отмечается в исследовании, устойчивое существование любой организованной группы объективно невозможно без целенаправленной деятельности по ее поддержанию: координации, обеспечения ресурсами, поддержания иерархической дисциплины, а также разработки и применения комплекса мер по конспирации и противодействию внешнему контролю, которые, хотя и не всегда выражаются в непосредственном исполнении конкретных преступлений, гарантируют сохранение сообщества как инструмента совершения таких посягательств в будущем. Обязательными признаками такого участия выступают организационная связь между лицом и экстремистским сообществом, а также обусловленность действий лица целью оказания помощи экстремистскому сообществу.

С опорой на социальные тенденции современного российского общества, опыт законодательства отдельных зарубежных стран, а также отечественный опыт по модернизации антитеррористического законодательства, выявлена целесообразность введения в ст. 282[1] УК РФ нового квалифицированного состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетних в деятельность экстремистского сообщества, что диктуется необходимостью охраны интересов данной категории граждан.

В параграфе обоснована избыточность субъектного состава поощрительной нормы, закрепленной в примечании 2 к ст. 282^1 УК РФ. С целью пропорциональной дифференциации ответственности соискателем разработана новая редакция данного примечания, исключающая лиц, создающих и руководящих экстремистскими сообществами, из числа субъектов, подлежащих освобождению от уголовной ответственности.

Способ технико-юридического воплощения данных предложений в рамках оптимизации уголовного законодательства представлен в Приложении № 2 к диссертации.

Параграф 2.4. «Организация деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации (ст. 282^2 УК РФ)» посвящен уголовно-правовому анализу элементов состава данного преступления.

Соискатель приходит к выводу о том, что участие в деятельности экстремистской организации может выражаться в совершении лицом любых конкретных действий в ее интересах, которые необязательно носят выраженный экстремистский характер, включая действия по содействию логистическому, информационному или хозяйственному функционированию экстремистской структуры.

В работе аргументировано, что экстремистская организация отличается от экстремистского сообщества не только наличием вступившего в законную силу решения суда о запрете деятельности или ликвидации, но и спецификой функционально-целевых и структурно-организационных характеристик. В отличие от экстремистского сообщества, конструируемого законодателем как преступное формирование (организованная группа), изначально создаваемое для подготовки или совершения преступлений, экстремистская организация функционирует для осуществления экстремистской деятельности в широком смысле, включая совершение административных правонарушений и иных противоправных деяний. При этом экстремистская организация может вовсе не обладать признаками организованной группы, поскольку ст. 282^2 УК РФ не предъявляет к ней жестких структурных требований. Объективная сторона ст. 282^2 УК РФ заключается в

преступном игнорировании судебного запрета и охватывает любые действия по реализации целей запрещенной структуры, включая индивидуальные, разовые и децентрализованные проявления.

На основе репрезентативных результатов проведенного автором опроса научно-педагогических кадров юридических вузов, представителей правоохранительных органов и адвокатуры было выявлено профессиональное отношение к тенденциям антиэкстремистской правовой политики государства на примере запрещенного в Российской Федерации международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» (полные данные приведены в Приложении № 1 к диссертации).

Сформулированы научно-практические рекомендации для органов предварительного расследования и судов по квалификации действий по приисканию финансирования и организации материального обеспечения со стороны руководителей, организаторов (создателей) и рядовых участников (членов) экстремистских структур в зависимости от субъектного статуса лица:

– *для руководителей и организаторов экстремистских структур*: доктринально обосновано правило квалификации, согласно которому приискание финансирования и организация материально-технического обеспечения для экстремистских формирований выступают непосредственной формой реализации их организационно-распорядительных функций. Диспозиции и санкции ч. 1 ст. 282^1 и ч. 1 ст. 282^2 УК РФ полностью охватывают материально-обеспечительный аспект указанной деятельности, в силу чего дополнительное вменение ст. 282^3 УК РФ является излишним;

– *для рядовых участников (членов) экстремистских структур*: обоснована необходимость квалификации действий участника экстремистской структуры по сбору финансовых средств или организации материального обеспечения как реальной совокупности преступлений (ч. 2 ст. 282^1 или ч. 2 ст. 282^2 УК РФ и ст. 282^3 УК РФ). Данный вывод аргументирован тем, что данные действия выходят за рамки ординарного физического участия в преступном образовании, формируя самостоятельный вектор их общественной опасности. Кроме того, совершение

преступлений, предусмотренных ст. 282^3 УК РФ, потенциально влечет за собой применение к лицу более строгих уголовно-правовых санкций, в силу чего данные преступные деяния догматически не могут поглощаться составами участия в деятельности экстремистских структур, верхний предел наказания которых значительно ниже.

Соискателем обоснована целесообразность введения в ст. 282^2 УК РФ квалифицированного состава преступления, предусматривающего ответственность за вовлечение несовершеннолетних в деятельность экстремистской организации.

Аргументирован вывод о необоснованно широком субъектном составе поощрительной нормы, предусмотренной примечанием к ст. 282^2 УК РФ. С целью дифференциации ответственности предложена авторская редакция данного примечания, исключающая возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, осуществлявших организацию деятельности экстремистской организации.

Способ технико-юридического воплощения данных предложений в рамках оптимизации уголовного законодательства представлен в Приложении № 2 к диссертации.

В **заключении** сформулированы основные выводы и обобщенные результаты проведенного исследования.

В **приложениях** к диссертации приведены обобщенные результаты опроса респондентов с целью выявления профессионального восприятия признания организаций экстремистскими (на примере международного общественного движения «Арестантское уголовное единство»), а также авторский проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», направленный на оптимизацию уголовно-правовых норм об ответственности за преступления экстремистской направленности.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в следующих научных трудах:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включенных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Дроздов И.С. Признак принадлежности потерпевших к социальным группам в статье 282 УК РФ / И.С. Дроздов // Юридическая наука. – 2024. – № 5. – С. 260–263. (0,39 п. л.)

2. Дроздов И.С. Вопросы противодействия преступлениям по мотивам религиозной ненависти / И.С. Дроздов // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 1 (200). – С. 392–394. (0,42 п. л.)

3. Дроздов И.С. Развитие правового механизма противодействия экстремизму в сети Интернет / И.С. Дроздов // Юридическая наука. – 2025. – № 3. – С. 549–552. (0,45 п. л.)

4. Дроздов И.С. Трансформация законодательных подходов к уголовной ответственности: анализ новелл ст. 282 УК РФ / И.С. Дроздов // Юридическая наука. – 2026. – № 4. – С. 241–243. (0,53 п. л.)

5. Дроздов И.С. Проблемы и перспективы дифференциации ответственности за вовлечение несовершеннолетних в экстремистские формирования / И.С. Дроздов // Юридическая наука. – 2026. – № 4. – С. 385–387. (0,49 п. л.)

Общий объем опубликованных работ составил 2,28 печатных листа.